

УДК 94(470.6)»1920»

БАГДАСАРЯН Сусанна Джамилевна — к.и.н., доцент; доцент кафедры теории и истории государства и права Сочинского государственного университета (354000, Россия, г. Сочи, Советская ул., 26а; bsd73@mail.ru)

О ПРЕОБРАЗОВАНИИ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ СОВЕТСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В ЭПОХУ НЭПА (на материалах Юга России)

Аннотация. В статье на региональных материалах раскрываются особенности повседневного трудового быта различных социальных групп крестьянства в сложных условиях восстановления сельского хозяйства и зарождения новых форм организации производства в постоктябрьской деревне.

Ключевые слова: большевики, бюджет, гендерные аспекты, крестьяне, новации, трудовой быт

Сражаясь за советскую власть, российские рабочие и крестьяне в случае победы резонно ожидали от нее улучшения их жизни, в т.ч. значительного облегчения условий труда как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Они защищали социалистический выбор, от которого российские коммунисты не отступали вплоть до времен М.С. Горбачева [Скорик 2001: 111], а потому рассчитывали на позитивную ответную реакцию советской власти. Оправдывая ожидания народа, без массовой поддержки которого они не смогли бы достичь победы в Гражданской войне, большевики уже в 1920-х гг. предприняли определенные меры по рационализации и оптимизации труда и рабочих, и крестьян. В рамках данной публикации, основанной на материалах таких важных аграрных регионов России, как Дон, Кубань и Ставрополье, мы предприняли попытку осветить процесс модернизации аграрного производства в советской доколхозной деревне, сосредоточив внимание на трудовом быте аграриев как неотъемлемой части производственного процесса.

Прежде всего, необходимо отметить, что сколь бы серьезными ни были намерения компартии и советской администрации модернизировать экономику, возможности для этого были крайне ограничены вследствие послевоенной разрухи и масштабного голода 1921–1922 гг. В частности, Гражданская война и голод негативно сказались на материально-техническом уровне аграрного производства Юга России, сведя к минимуму наличие средств производства. (Достаточно указать, что в 1923 г. в регионе осталось около 30% сельхозинвентаря по сравнению с 1914 г. [Чернопицкий 1987: 58].) Применительно к условиям труда советских земледельцев это означало, что их деятельность стала еще более трудоемкой и тяжелой физически, чем до революции. В частности, многие бывшие «красные партизаны» стремились к восстановлению (а также укреплению) своих хозяйств, разоренных во время Гражданской войны. При этом они не без оснований полагали, что заслужили право хозяйствования на земле, политой собственной кровью. Такого рода устремления, однако, зачастую наталкивались на открытое противодействие большевистского режима, расценивавшего хозяйственный рост сельских семей как укрепление позиций «кулачества» [Скорик, Тикиджян 2009: 106].

С другой стороны, на всем протяжении 1920-х гг. скудость госбюджета не позволяла проводить обширные преобразования в экономике, но частные мероприятия по облегчению и совершенствованию труда и трудовой повседневности советских аграриев все же предпринимались. Так, партийно-советское руководство уделяло внимание развитию в деревне РСФСР (СССР) трудовых школ (школ крестьянской молодежи), которые должны были, по словам Н.К. Крупской, «научить ребят... правильно подходить ко всякому труду, целесообразно выполнять каждую работу» [Крупская 1983: 43]. Другими словами, перед такими школами ставилась задача воспитания новой генерации хлеборобов, способных вести хозяйство рационально, в соответствии с научно обоснованными требованиями.

Но результативность этих мер была невелика. Результаты деятельности трудовых школ могли сказаться в долговременной перспективе, а поскольку уже в конце 1920-х гг. в СССР началась сплошная коллективизация, коренным образом изменившая основы хозяйствования на селе, то и инициативы по воспитанию «культурных хлеборобов» не достигли цели. Более эффективными в деле улучшения условий крестьянского труда оказались меры по повышению материально-технического уровня аграрного производства. Так, в Северо-Кавказском крае уже в 1923 г. удалось довести число плугов до 44,7% уровня 1914 г., а в 1927 г. — до 63,3%, борон — до 20,7% и 35,8% соответственно, сеялок — до 56,8% и 84,8%, жаток — до 42,7% и 83,4% и т.д. [Чернопицкий 1987: 60]. Впервые в деревню в относительно значительных количествах стали поставляться тракторы. Уже в 1923–1925 гг. сельское хозяйство РСФСР располагало 6 665 тракторами [Краев 1954: 253], а в 1927 г. — 17 222¹, в т.ч. 4 963 (28,8%) приходилось на долю Северо-Кавказского края².

Вместе с тем результаты снабжения доколхозной деревни сельхозорудиями и техникой нельзя переоценивать. Как свидетельствуют вышеприведенные цифры, даже к исходу 1920-х гг. численность сельхозинвентаря на Юге России не достигла довоенного (1914 г.) уровня. Поскольку доколхозная советская деревня испытывала дефицит как сельскохозяйственного инвентаря, так и в особенности сложных машин и механизмов, «крестьянский труд оставался ручным, технически невооруженным» [Данилов 1989: 359] и столь же тяжелым, как прежде. Производственные процессы в аграрной сфере также не претерпели серьезных трансформаций, и значит, преимущественно традиционным оставался и трудовой быт хлеборобов.

Особенностью селений Юга России, расположенных в равнинной части региона, являлись их крупные размеры. По данным статистики в 1920-х гг. в степных районах Северо-Кавказского края проживали 76,7% сельского населения, тогда как в предгорных районах — 18,1%, а в горных — всего 5,1% [Гозулов 1929: 100–101]. В среднем на каждое селение Донского округа Северо-Кавказского края приходилось 1 533 чел. [Чернопицкий 1987: 34], в Ставропольской губернии — 507 крестьянских дворов³, а безусловным лидером являлась Кубань, где около 50% казаков и крестьян проживали в станицах с числом жителей более 10 тыс. чел. [Шетнев 1984: 96; История Кубани 1998: 48]. В столь крупных поселениях были очень обширными и принадлежащие им совокупные земельные площади. Так, земельное общество станицы Новопокровской Кубанского округа, насчитывавшее 18,5 тыс. чел, обладали 55,5 тыс. десятин земли; в земельном обществе станицы Николаевской Армавирского округа было 12,9 тыс. чел. и 43,3 тыс. десятин и т.д. [Осколков 1973: 52].

Серьезным неудобством этих гигантских земельных обществ являлось дальнотемелье, т.е. отдаленность полевого надела на многие километры (а то и десятки километров) от того двора, которому этот надел принадлежал. Представители власти при поддержке многих рядовых хлеборобов пытались решить проблему дальнотемелья путем расселения обширных поселений на поселки оптимального размера. Но, поскольку объемы работ по расселению были значительны, а ресурсы государства — слишком скромны, выполнить эту задачу в короткие сроки оказалось невозможно. Поэтому к октябрю 1926 г. в Северо-Кавказском крае удалось вывести на поселки не более 10% общего числа крестьянско-казачьих дворов [Чернопицкий 1987: 43].

Сохранявшееся дальнотемелье властно диктовало казакам и крестьянам Дона, Кубани и Ставрополья, как и многих других регионов Советской России, необходимость обустроить свой быт во время полевых работ точно так же, как и в досоветскую эпоху. Как и ранее, земледельцы были вынуждены во время полевых работ надолго покидать свои жилища: чтобы не тратить драгоценное в весенне-летний период время, они выезжали в поля и жили там до момента окончания сначала сева, а затем и страды. Более бедные семьи жили на полях в устроенных на

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 85. Д. 267. Л. 233.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 134. Л. 233.

³ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 122. Л. 31.

скорую руку шалашах, палатках или просто под телегами, на оглобли которых для защиты от солнца накидывали кусок парусины или холста. Зажиточные же земледельцы устраивали на своих полевых участках настоящие глинобитные или саманные дома, рыли колодцы, а рядом укатывали площадку для молотбы. В этих хатах состоятельные хлеборобы жили неделями, пока не заканчивали сев или косовицу и обмолот.

Анализ гендерных аспектов трудовой повседневности крестьянства эпохи нэпа также позволяет говорить об отсутствии серьезных изменений. Женщины доколхозной деревни, как и в досоветскую эпоху, не только тянули на себе домашнее хозяйство, но и выполняли значительную часть обязанностей во время полевых работ. При этом настоящей головной болью для крестьянок, у которых были маленькие дети, являлось обеспечение надлежащего ухода за ними на то время, пока их мать была занята работой на поле.

В досоветскую эпоху матери, отправлявшиеся на поле, обычно либо брали детишек с собой, либо же оставляли их на попечение старших братьев или сестер (которые еще не достигли возраста помощников в сельхозработах, но на роль няньки, как считалось, вполне годились). И в том и в другом случае это было не лучшее решение.

Большевики решительно заявили о необходимости ликвидации патриархальных методов ухода за детьми, на протяжении столетий демонстрировавших свою неэффективность и применявшихся крестьянами не от хорошей жизни, но в силу необходимости. Взамен советская власть предложила такое современное средство, как детские дошкольные учреждения.

Но процесс создания таких учреждений в 1920-х гг. изначально столкнулся с препятствиями. Хотя намерения большевиков создать в деревне детские ясли встретили полное понимание у многих крестьянок, часть женского населения деревни высказалась не «за», а «против» детских учреждений. Женский протест обычно основывался на слухах о том, что коммунисты отберут сданных в детские ясли детей и «отвезут в город» [Грачева 1924: 30]. Сколь бы нелепы такие слухи ни казались нашим современникам, но крестьяне 1920-х гг., совсем недавно пережившие крушение привычного для них мира и не очень-то обласканные милостями советской власти, склонны были им доверять.

Серьезность этого препятствия не стоит, впрочем, переоценивать. В большинстве случаев недоверие и страхи крестьянок удавалось успешно развеять либо умелой агитацией, либо, чаще всего, наглядной демонстрацией той пользы, которую приносили аграриям детские учреждения. Так, в 1923 г. в Носовской волости Таганрогского округа (который тогда входил в состав Донецкой губернии Украинской ССР и был передан Юго-Востоку России в следующем, 1924 г.) сначала «трудно пришлось собирать детей в ясли, пришлось заходить в каждую хату» и убеждать крестьянок в полезности данного начинания. Когда же детское учреждение заработало, «крестьянки увидели, что наговоры кулачек о яслях неправильные и сами приносили детей. Дети тоже сперва дичились, а теперь даже не хотят на ночь идти домой» [Добрышева 1923: 13].

Наиболее же серьезным препятствием для создания и организации эффективного функционирования сельских детских учреждений в 1920-х гг. являлся острый недостаток средств как в бюджетах разных уровней (государственном, краевом, областном, окружном, районном, уездном и т.д.), так и у самих крестьян. Показательно, что, когда в 1922 г. в Тарасовской и Митякинской волостях Донецкого округа Донской области представителями власти была предпринята попытка организовать детские учреждения за счет местных средств, она окончилась провалом за отсутствием таковых. Как отмечалось в документах Донецкого окружкома компартии, местные «крестьяне слишком голодают и не в состоянии уделять чего-либо для детских площадок»¹.

Конечно, в начале 1920-х гг., в тяжелые послевоенные и голодные годы наивно было надеяться на то, что у крестьян обнаружатся свободные средства для созда-

¹ ЦДНИ РО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 29. Л. 16г.

ния детских яслей или площадок. Но и позднее сельские жители не могли (хотя часто и не хотели) тратиться на детские учреждения. Например, в 1925 г. в селах Ставропольского округа Северо-Кавказского края, несмотря на активность местных крестьянок, удалось создать лишь 6 детских яслей (причем 2 – в коммунах), рассчитанных в общей сложности на 145 детей¹. Конечно, для целого округа эти показатели были мизерными.

Поэтому на всем протяжении 1920-х гг. сохранялась такая традиционная черта крестьянской трудовой повседневности, как поручение маленьких детей заботам их старших сестер или братьев на время работы родителей на полях. Великолепным доказательством этому является математическая задача, помещенная в изданном в первой половине 1920-х гг. учебнике по арифметике для сельских школ: «Тетка Дарья с Парашей жали пшеницу. Дарья нажала 47 снопов, а Параше часто приходилось забавлять маленькую сестренку, и она нажала 38 снопами меньше, чем мать. Сколько снопов нажала Параша?»². Авторы учебника, разумеется, ничего не придумали, а просто заимствовали данный пример из окружавшей их действительности.

С большим успехом создание детских учреждений шло в колхозах и особенно в коммунах, где они становились одной из неперенных деталей обобществленного быта. Показательно, что 2 из 6 сельских детских яслей, созданных в Ставропольском округе в 1925 г., находились именно в коммунах. Но и у колхозов часто не имелось свободных средств для выполнения этой задачи. Так, в 1924 г. ревизоры свидетельствовали, что в коммуне «Ранняя Заря» Донецкого округа ясель нет, дети «не организованы и находятся в своих семьях, будучи предоставлены самим себе»³. А Ставропольский окружной колхозсоюз в 1928 г. констатировал «слабое обслуживание колхозов детскими учреждениями»⁴. Лишь в связи со сплошной коллективизацией, как справедливо отмечают А.П. Скорик и М.А. Гадицкая, «детучреждения в массовом порядке стали возникать в деревне» [Гадицкая, Скорик 2009: 112]. И в целом процессы формирования социальной инфраструктуры казачьих станиц Юга России (как и процессы улучшения бытовых условий жизни казаков-колхозников) относятся по большей мере ко второй половине 1930-х гг. [Скорик 2009: 462].

Изложенные в настоящей публикации факты позволяют уверенно заключить, что трудовой быт южнороссийского крестьянства эпохи нэпа не претерпел серьезных изменений. Можно указать ряд причин этого, в т.ч. дефицит государственных средств, нежелание и неготовность значительных групп сельского населения позитивно воспринимать предложенные советской властью новации и пр. Ведущей же причиной затрудненности преобразований трудового быта крестьянства, как и всей жизни доколхозной деревни, являлось отсутствие радикальных трансформаций в социально-экономической сфере села. Поскольку основной типаж сельхозпроизводителя в эпоху нэпа был представлен индивидуальными крестьянскими хозяйствами, которые в подавляющем большинстве своем не имели достаточно средств для приобретения полного комплекса сельхозинвентаря и сложных машин, труд аграриев оставался преимущественно ручным, физически затратным. По-прежнему тяжелее всего крестьянский труд был для женщин, поскольку на них, помимо полевых работ, лежало еще множество обязанностей по домашнему хозяйству, уходу за детьми и пр.

Наиболее благоприятные условия для модернизации сельского труда и, соответственно, производственного быта существовали в зажиточных крестьянских хозяйствах, в особенности в колхозах и в коммунах. Но первые существовали в условиях постоянного административного давления и налогового гнета, а вторые в эпоху нэпа составляли незначительное число в массе индивидуальных крестьянских хозяйств, к тому же множество из них были маломощными, не способными

¹ Отчет Ставропольского окружного комитета Р.К.П.(б). От IX до X Окружной партконференции. 27/Х-24 г. [–] 12/ХI-25 г. Ставрополь н/К. 1925. С. 60.

² Звягинцев Е., Бернашевский А., Васильев Г. *Живой счет*: сборник арифметических задач и упражнений для сельских школ. Ч. II. М.; Петроград: Государственное изд-во. б/д. 116 с.

³ ЦДНИ РО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 47. Л. 116.

⁴ Государственный архив Ставропольского края (ГА СК). Ф. Р-602. Оп. 1. Д. 19. Л. 15.

по-новому организовать трудовой быт. Поэтому наличествовавшие в колхозах новации лишь дополняли, но никак не определяли те тенденции, которые господствовали в сфере производственной повседневности южнороссийской (и советской в целом) деревни эпохи нэпа.

Список литературы

- Гадицкая М.А., Скорик А.П. 2009. *Женщины-колхозницы Юга России в 1930-е годы: гендерный потенциал и менталитет*. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ. 324 с.
- Гозулов А.И. 1929. *Морфология населения*. Ростов н/Д: Северо-Кавказское краевое статистическое управление. 442 с.
- Грачева А. 1924. Наши ясли. — *Крестьянка*. № 5. С. 30.
- Данилов В. 1989. Коллективизация... — *Переписка на исторические темы: Диалог ведет читатель* / сост. В.А. Иванов. М.: Госполитиздат. С. 335-400.
- Добрышева В. 1923. Тетя Настя. — *Крестьянка*. № 21. С. 13.
- История Кубани. XX век: очерки* (под общ. ред. В.Е. Щетнева). 1998. Краснодар: Перспективы образования. 224 с.
- Краев М.А. 1954. *Победа колхозного строя в СССР*. М.: Госполитиздат. 720 с.
- Крупская Н.К. 1983. Трудовая школа и научная организация труда. — *История советской психологии труда (20–30-е годы XX века)* / под ред. В.П. Зинченко, В.М. Мунипова, О.Г. Носковой. М.: Изд-во МГУ. С. 3-44.
- Осколков Е.Н. 1973. *Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа* (очерки истории партийного руководства коллективизацией крестьянских и казачьих хозяйств). Ростов н/Д: Изд-во РГУ. 311 с.
- Скорик А.П. 2001. *Проблемы экспериментов и ошибок в историческом процессе*: дис. ... д.филол.н. Ростов н/Д. 351 с.
- Скорик А.П. 2009. *Казачество Юга России в 30-е годы XX века: исторические коллизии и опыт преобразований*: дис. ... д.и.н. Ставрополь. 540 с.
- Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. 2009. Красные партизаны в советской действительности 1920-х — 1930-х годов (на материалах Юга России). — *Российская история*. № 4. С. 104-114.
- Чернопицкий П.Г. 1987. *Деревня Северокавказского края в 1920–1929 гг.* Ростов н/Д: Изд-во РГУ. 232 с.
- Щетнев В.Е. 1984. Население северокавказской деревни в начале социалистической реконструкции. — *Октябрьская революция и изменения в облике сельского населения Дона и Северного Кавказа (1917–1929 гг.)*: сборник научных трудов / отв. ред. В.Е. Щетнев. Краснодар: Изд-во Кубанского гос. ун-та. С. 91-104.

BAGHDASARYAN Susanna Dgamilovna, Cand.Sci.(Hist.), Associate Professor; Associate Professor of the Chair of Theory and History of State and Law, Sochi State University (26a, Sovetskaya St, Sochi, Russia, 354000; bsd73@mail.ru)

TRANSFORMATION OF DAILY LABOUR ACTIVITY OF THE SOVIET PEASANTRY IN THE PERIOD OF NEW ECONOMIC POLICY (on the materials of Southern Russia)

Abstract. Being based on the regional materials, the article describes the peculiarities of regional everyday working life of different social groups of peasantry in difficult conditions of recovery of agriculture and the emergence of new forms of production organization after October 1917.

Keywords: Bolsheviks, budget, gender, peasants, innovation, working life